

ДОЛГ ВЕЛИТ ЕХАТЬ

Врач
МАТВЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ МУДРОВ
(1776—1831)

Мир праху твоему, муж, принесший столько пользы соотечественникам своим! Пока существовать будет Москва, имя Мудрова не придет в забвение. Пока мы будем любопытны о медицине, об успехах ее, дотоле будем признательны к заслугам Мудрова.

«Вестник естественных наук
и медицины», 1831 год

Родился знаменитый московский врач в бедной и многодетной семье священника Вологодского девичьего монастыря, большого знатока латинского, греческого и еврейского языков. Отец любил врачебную науку и почитал за долг исцелять не только душу, но и тело бедных, обращавшихся к нему за помощью. Отправляя Матвея учиться в Москву, Яков Иванович перекрестил сына медным крестом, который и подарил ему вместе с чайной фаянсовой чашкой и двадцатью пятью копейками медных денег.

— Вот, друг мой, все, что могу уделить тебе, — поправляя на сыне котомку, напутствовал его в долгий путь отец. — Ступай учишься, служи, сохраняй во всем порядок, будь прилежен к добрым делам, помни бедность и бедных. Этим ты утетишишь отца с матерью.

Вскоре, в 1795 году, Матвей Мудров был произведен в звание студента и на публичном торжественном собрании получил из рук куратора Московского университета, известного поэта Хераскова, шапагу.

Окончив медицинский факультет, молодой врач в течение пяти лет усовершенствовал свои знания в университетах Берлина, Парижа, Бамберга, Геттингена, Вены. Вернувшись в Москву, он начал преподавать в родном университете и завел частную практику. Ежедневно перед его домом стали собираться московские мещане и крестьяне окрестных деревень, пришедшие за врачебной помощью. Своим бедным, по завету отца, сын отдавал то, что получал от своих богатых.

Матвей Мудров подметил, что медицина на Руси издревле — народная, благотворительная, а в Москве и Петербурге лекари-иностранцы сделали ее одной из самых высокооплачиваемых профессий. Врач стал предметом роскоши, доступной лишь избранным.

Необходимо было вернуть медицине ее былое значение, воспитать в России собственных бескорыстных и трудолюбивых врачей.

— Научитесь прежде всего лечить нищих, — учил Мудров с кафедры Московского университета, — вытвердите фармакопею бедных; вооружитесь против их болезней домашними средствами: углем, сажей, золой, травами, кореньями, холодной и теплой водой; употребите в пользу бедных ваших больных стихии — огонь, воздух, воду, землю — пособия, никаких издержек не требующие, и к этому приличную пищу и питье, ибо бедность не позволяет покупать лекарства из аптеки...

Мудров создал при университете анатомический театр, возглавил строительство клинического и медицинского институтов, после пожара 1812 года отдал свою медицинскую библиотеку в общественное пользование. Он поднял преподавание медицины до уровня западноевропейского и поставил во главе науки врачевания совесть и трудолюбие.

Каждый год он начинал курс медицины со слов, которые составляли нечто вроде кодекса чести врача:

— Я должен бы, любезные юноши, сие врачебное учение начать с врачевания вас самих, с лечения вашей наружности в чистоплотности, в опрятности одежды, в порядке жилища, в благоприличии вида, телодвижений, взглядов, слов, действий. Потом перейти к врачеванию душевных свойств ваших. Начав с любви к ближнему, я должен бы внушить вам все прочие проистекающие из оной врачебные добродетели, а именно: услужливость, готовность к помощи во всякое время, и днем и ночью, приветливость, привлекающую к себе робких и смелых, милосердие к чужестранным и бедным, бескорыстие, снисхождение к погрешностям больных, кроткую строгость к их непослушанию, вежливую важность с высшими, разговор только о нужном и полезном, скромность и стыдливость во всяком случае, умеренность в пище, ненарушаемое спокойствие лица и духа при опасностях больного, веселость без смеха и шуток при счастливом ходе болезни, хранение тайны и скрытность при болезнях предосудительных, молчание о виденных или слышанных семейных беспорядках, обуздание языка в состязаниях по какому бы поводу ни было, радушное принятие доброго совета, от кого бы он ни шел, убедительное отклонение вредных предположений и советов, удаление от суеверия, целомудрие...

Мудров был истинным продолжателем великого Гиппократы, чьи сочинения впервые именно он перевел на русский язык и не устал пропагандировать.

— Но плененный мудростью Гиппократы, — признавался Матвей Яковлевич, — движимый любовью к своим достойным слушателям, благом общества и славой Московского университета, я решил проводить ночи с гениальным врачом...

Мудров, ученый ломоносовского типа, стал основателем русской терапевтической школы. Он упорядочил составление и ведение истории болезни, учил лечить не болезнь как таковую, а отдельно каждого больного, доказывал, что врачу мало одной книжной науки, ему необходимо врачебное искусство, постоянная практика, умение исцелять.

— Должно исследовать настоящее положение болезни, — наставлял он учеников, — искать в больном, где она избрала себе ложе. Для сего нужно врачу пробежать все части тела больного, начиная с головы до ног, а именно — первое всего надобно уловить наружный вид больного и положение его тела, а затем исследовать душевные, зависящие от мозга состояние ума, тоску, сон; взглянуться в лицо его, глаза, лоб, щеки, рот и нос, на коих часто, как на картине, печатлется и даже живописуется образ болезни. Надо смотреть и осязать язык, как вывеску желудка, спросить о позывах к пище и питью и к каким именно, внимать силе голоса и ответов, видеть и слышать дыхание груди его и вычислить биение сердца и жил с дыханием. И вот врач, раб природы и слуга больного, делается наконец повелителем болезни!..

Как тут не вспомнить роман Льва Толстого «Война и мир», где Мудров, приглашенный среди других врачей к Наташе Ростовой, «лучше определил болезнь».

Но многие московские обыватели остерегались говорить восторженные слова о первом медицинском светиле, пока он не испытан в самом трудном деле — врач на Руси проявлялся в борьбе с эпидемиями.

«Мудров в двадцать четыре часа посылается на чуму, — писал историк Михаил Погодин о поездке легендарного врача в 1830 году в Поволжье. — Какое славное поручение. Остановить смерть, которая со всеми ужасами несетя на отечество».

Через три месяца эпидемия холеры (Погодин оговорился, упоминая чуму) в Поволжье прекратилась, и Мудров со славою вместе с коллегами и учениками (среди них был будущий драматург и историк театра Федор Кони) вернулся в Москву. Но не прошло и года, как холера начала косить петербуржцев. Мудрова попросили приехать в северную столицу. Накануне отъезда, оказавшегося роковым, он писал Чаадаеву:

«Мой друг и благодетель! Тяжко расставаться с Москвой, к которой привык, которую люблю. Жаль университет! Тяжко расставаться с близкими, с вами, а долг велит ехать».

Матвей Мудров выполнил свой долг до конца. На могильной гранитной плите отдаленного холерного кладбища Куликова поля близ Петербурга остались слова:

«Под сим камнем погребено тело Матвея Яковлевича Мудрова, старшего члена Медицинского совета Центральной холерной

комиссии, доктора, профессора и директора Клинического института Московского университета, действительного статского советника и разных орденов кавалера, окончившего земное поприще свое после долговременного служения человечеству на христианском подвиге подавания помощи зараженным холерою в Петербурге и павшего от оной жертвой своего усердия. Полезного жития ему было 55 лет. Родился 25 марта 1776 года, умер 8 июля 1831 года».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2.
2. Вольф М.О. Русские люди. СПб., 1866. Т. 2.
3. Мудров М.Я. Избранные произведения. М., 1949.
4. Смотров В.Н. Мудров. М., 1947.
5. Страхов П. Краткое жизнеописание славного московского врача М.Я. Мудрова // Московский врачебный журнал. 1854. № 1.